

ЕЛЕНА БОРОДА

ZOOM

КвАРАНТИННАЯ
ИСТОРИЯ

КомпасГид
издательский дом

Елена Викторовна Борода

Zoom. Карантинная история

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67700489
ZOOM. Карантинная история: КомпасГид; М.; 2022
ISBN 978-5-907514-36-2

Аннотация

Алёна хочет стать звездой. Ярослав – уехать в Питер. Игорь – наладить отношения в семье. Женя с Ирой – успешно сдать экзамены и самостоятельно выбрать профессию. Иван – спасти планету от катастрофы. И каждый из этих 17-летних молодых людей мечтает изменить мир вокруг себя.

Однажды мир действительно меняется. Но не так, как они хотели.

Теперь вместо школы – надоевшие стены собственной комнаты, рядом не одноклассники, а родители, у которых тоже «удалёнка», а вместо классной доски – окошко ZOOMa. «Дистант», «пандемия», «изоляция» – новые слова настойчиво теснят привычную повседневность. Многие непонятно, неизвестно, непривычно, многое спрятано за пределами экрана. Зато открывается то, что раньше оставалось незамеченным. И цель, за которую ты ещё неделю назад отдал бы полжизни, кажется мелкой и ничтожной. Одноклассник,

которого ты считал пустым местом, оказывается лучшим другом. А общение в «дистанте» ничуть не легче общения в реале.

В повести каждый эпизод вписан в общую хронику. «ZOOM. Карантинная история» Елены Бороды – не просто летопись последнего школьного полугодия, это ещё и кусочек большой истории, когда реальность меняется в короткие сроки, а жизненный экзамен оказывается сложнее, чем ЕГЭ.

Желание старшеклассников общаться и активно жить дальше вопреки новым реалиям визуально «объединила» в книге художница Настя Хилькевич, у которой пока нет громких проектов, но есть умение видеть.

Автор книги, Елена Борода, – писатель, филолог, литературный критик. Лауреат Международной премии им. В.П. Крапивина, финалист премии «Книгуру».

Содержание

Победительница	6
Соулмейт	44
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Елена Борода

ZOOM. Карантинная история

© Елена Борода, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2022

Победительница

Визит к психологу пришлось отменить. Из-за начавшегося карантина. Вот уж из-за психолога Алёна ни капли не расстроилась!

Это просто у мамы пунктик. Она по любому поводу обращается к «специалистам». Проблемы с физикой? Найдём репетитора! Беспорядок в квартире? Позовём клининговую службу! Есть дома нечего? А доставка еды на что? Самый ценный ресурс – время, неразумно тратить его на всякую ерунду.

Вот и с Алёной так же. Мама решила, что у неё зависимость от гаджетов – это называется номофобия. И немедлен-

но записала её к психологу.

Ну какая зависимость?! Алёне сейчас просто необходимо быть на связи! Потому что у неё появился шанс. Даже так – Шанс! Самый настоящий Счастливый Случай!

– Косарь – божеская цена, – сказала Миранда. – Меньше чем за три тысячи в зал не попадёшь.

– Так мы не в зал, – возразила Настя.

– А за кулисы! Это ещё круче.

Миранда протянула руку, и Настя с Алёной положили ей на ладонь по тысячной купюре.

Миранда кивнула и жестом фокусника заправила деньги в рукав. Пальцы вспорхнули в воздухе:

– Чао!

– На матешу не пойдёшь? – крикнула Настя ей в спину.

Миранда не обернулась, на ходу качнула головой – огромная яркая грива колыхнулась туда-сюда.

– Не пойдёт, – заключила Настя. – Зачем ей? Деньги она и так считать умеет!

Всю дорогу до кабинета математики Настя бурчала, что дорого, что смотреть музыкантам в спины удовольствие так себе, да и концерт, может, того не стоит.

Алёна молчала.

Да если говорить о Трикстере, то в его спину она готова смотреть сколько угодно! А потом, он же будет рядом: пробежать мимо, пить воду, менять футболки. Это вам не цве-

точки подарить и селфануться наспех! Миранда права: закулисье круче.

Группу «Трикстер» Алёна любила давно. Может, год, а может, и больше. Главным образом из-за солиста, конечно. У них пела ещё и Агата, меланхоличная девица с крашеными дредами. Насколько Алёна знала, у них с Трикстером ничего не было, поэтому Агата ей тоже нравилась.

Просто удивительно, как эта Миранда умудряется быть в центре самых интересных событий! И ей, главное, безразлично, «Трикстер» или не «Трикстер», она за любой движ. У «Трикстера» концерт, Миранда приглашает!

Ну, как – приглашает? Не без пользы для себя.

Миранда...

Два года назад их классы объединили и они стали учиться вместе. Вот что понадобилось Миранде в одиннадцатом классе? Учится плохо, на занятия ходит через день. Можно подумать, она пойдёт в вуз! Он ей и даром не нужен, она, кажется, про образование вообще не думает. Ну и шла бы себе спокойно в колледж после девятого! Так нет, притащилась на два года посидеть за партой нога на ногу!

До этого у Алёны конкуренток не было. Самая популярная девочка в классе! И не только в классе – она, между прочим, «мисс Школа»! Миранда, правда, в том конкурсе красоты не участвовала. Но не суть. Когда она появилась, все парни сразу переключились на неё. А Миранде было вроде плевать на популярность, но Алёна ей не верила. Не может

быть, чтоб плевать! Просто делает вид. Но никто, кроме неё, не подозревал Миранду в лицемерии, и это Алёну ужасно раздражало!

Она иногда наблюдала за ней и думала о том, что вот таких, как Миранда, наверное, в Средние века сжигали на кострах. Рыжая, стройная, с длинной шеей, светящейся кожей, с глазами-хамелеонами – вроде зелёными, но мимикрирующими в синеву, стоило Миранде пригасить их блеск, опустив ресницы.

Алёна и сейчас бы её сожгла!

– Сейчас подойду!

После этого «сейчас» Алёна с Настей ещё минут десять простояли перед закрытой дверью в тупике театрального коридора. Сюда никто не заглядывал, за дверью тоже никакого движения не происходило. Они уже начали думать, что ошиблись маршрутом, но дверь наконец открылась, и показалась Миранда.

Она молча поманила рукой, придерживая тяжёлую дверь. Девчонки скользнули в щель и оказались в другом тупике.

– Ступеньки узкие, осторожно, – предупредила Миранда.

Ступеньки узкие, лестница крутая, стены ободранные. Театр только назывался «Молодёжным», а здание занимал старое. И, как все театры, блистал фасадом и поражал лабиринтами лестниц, переходов, подвалов, запасных выходов. Конечно, не зная дороги, легко было сбиться с пути. И всерьёз

сгинуть, подумала Алёна, случайно заглянув в один из дверных проёмов. За ним виднелись перила балкона, но сам балкон обрушился, и получался такой выход в никуда, обозначенный кое-как аварийной ленточкой.

– Не обращай внимания, тут вечный ремонт, – снова бросила Миранда, мельком оглянувшись.

Наконец добрались.

Место тоже было непонятное, но хотя бы людное.

– Стойте здесь, – скомандовала Миранда.

И снова исчезла.

Если бы Алёна не знала, что они в театре, подумала бы, что завод какой-то: бетонные стены с металлическими лестницами, длинные тросы. По стенам разбросаны фонари. Светят довольно уныло и мешают разглядеть потолок. Понятно только, что он высоко, этажа на три, если не больше.

– Нормально так! – возмутилась Настя. – Опять ушла! И что у нас тут? Театр теней?

По стенам в самом деле гуляли тени разной величины и яркости – эффект всё тех же фонарей.

– Не, ну свинство, скажи, Алён?

Настя хотела продолжить, но вздрогнула от громкого однотонного звука, непонятно откуда исходившего. Алёна и сама поморщилась, захотелось закрыть ладонями уши. Но звук стал убывать, а потом вообще оборвался.

– Мы же даже обратно не выберемся! – не унималась Настя. – Ой!

Она попыталась опереться на чёрную бархатную стену, но стена под её рукой колыхнулась и оказалась тяжёлой портьерой, пришпиленной к полу длинными деревянными полочьями.

Ну да, они находились за кулисами! За портьерной стеной оказалась ещё одна такая же, а когда они осторожно выглянули, подавшись на очередной звук, то увидели сцену. С прожекторами и аппаратурой. По сцене ходили люди и что-то мудрили с тем и другим: освещение менялось, звуки тоже.

– А ты говоришь! – почти прошептала Алёна, почувствовав дыхание Насти за плечом. – Не надо нам обратно!

Настя не ответила. Молча стояла рядом. Не комментировала, как обычно. И когда Алёна окликнула её, тоже промолчала.

Алёна обернулась. Сзади стояла не Настя.

Агата – ну точно такая, как на фото и на экране! – Агата, со своими дредами, огромными глазами и таким же огромным носом, прошла мимо, совсем близко, и стала на сцене что-то выяснять со звукооператором. На Алёну она не взглянула, зато слегка задела её рюкзаком, который свесила на одну сторону.

Алёна огладила плечо, которого коснулся рюкзак, и тут её пронзило! Совсем скоро она увидит Трикстера! На этой самой сцене!

Она бросилась обратно за драпировки.

За этой самой сценой и прямо сейчас! Трикстер сидел на

полу, скрестив ноги, и сосредоточенно пил газировку из полторалитровой пластиковой бутылки.

Алёна примерно так себе всё и представляла. Но всё это было похоже на чудо. От того, что мимо бегали разные люди, которые Трикстера будто не замечали – да как так можно-то! – чудесности не убавилось. Трикстер на людей тоже не смотрел. Он вообще выглядел усталым, не слишком довольным и, в отличие от Агаты, сильно ушёл от себя «в образе».

Но всё же это был Трикстер! Тот самый, что поёт про Колумба и небесное воинство, про Химеру-изгоя, про семнадцать братьев-крестоносцев! Алёна все его песни-истории знала наизусть! И самую новую уже успела выучить! Про молодого капитана, которого любят сразу две девы. Одна обыкновенная, а вторая колдунья. Так вот, с колдуньей он танцует при лунном свете, а простушку, естественно, не замечает. Хорошая такая песня, Алёна только никак не могла решить, кем же она себя представляет: колдуньей или хорошей девушкой.

Надо подойти, конечно. Алёна раздумывала, что бы такое сказать – оригинальное и запоминающееся. Но придумать не успела. Трикстер встал, оглянулся вокруг – и на Алёну тоже посмотрел, и она почувствовала, как застыло сердце, – и скрылся в закулисном хаосе.

Сердце отошло, забилось быстро-быстро, так что в груди стало горячо, а в ушах зашумело. Выскочили откуда-то Миранда и Настя. Да и всё вокруг пришло в движение.

Только когда снова появился Трикстер, уже весёлый, такой, как всегда, с узким лицом, острыми скулами и хитрым прищуром плохого мальчишки, до Алёны дошло, что концерт уже начался. Здесь, за сценой, всё слышалось и виделось как-то по-другому и даже время, кажется, было другим.

Трикстер глотнул из своей полторашки – газировки там убавилось наполовину, – поставил её на табурет и снова поскакал на сцену.

Появилась Агата. Будто и не пела: дышит ровно, двигается не спеша. В сценическом костюме: безрукавка, широкие штаны, тяжёлые ботинки. Под безрукавкой короткий топ, а руки голые. Мышцы рельефные, но в меру, отметила Алёна. У неё, наверное, и ноги красивые, чего она их всё время в штаны упаковывает?

А ведь она самая обыкновенная, эта Агата! Надо же! Вот ведь она, опять рядом, все пуговицы и заклёпки на безрукавке пересчитать можно! Ничего особенного! Ну ничего же! Алёна с её внешностью тоже могла бы на сцене выступать.

Ну, голос, конечно. Алёна погрустнела, вспомнив, как мощно Агата выдаёт «Фейри» или «Дом под землёй». Но ведь любой голос можно обработать, современная техника творит чудеса, разве не так? Да и в песни вникают не все. Некоторым достаточно просто смотреть.

Но больше Алёна ни о чём думать не стала. Пора было получать свою порцию счастья, и она постаралась вытряхнуть все мысли из головы.

Трикстер поёт.

Потом Агата. «Фейри», ага. И «Вересковый мёд», мурашки по коже!

Настя восторженно скачет.

Миранда улыбается, спрятавшись за ширму.

За сценой не очень получается расслабиться, здесь либо работают, либо не мешают тем, кто работает.

Лицо Трикстера. Агата поправляет ему грим, и они, кажется, ругаются. Лицо у Трикстера сердитое, да и Агата не сильно умиротворённая.

Ревёт музыка.

Снова Трикстер, он хочет пить, но не может найти свою бутылку.

Алёна вспоминает, как Агата сунула её под ящик, и спешит помочь.

Опять лицо Трикстера, наконец-то обращённое к ней. Сначала удивлённое, потом торжествующее, даже мстительное – когда полторашка выпита и отброшена. Торжество не для неё – Алёна оборачивается и видит Агату, у неё морщина на лбу и брови нахмурены.

«Это не газировка, что ли?» – спрашивает Алёна.

Снова музыка. Пауза. «Меня зовут Кирилл». Земное имя, надо же!

Настя?

Настя послушно нацеливает камеру на Алёну с Кириллом. Ещё кадр?

Но тут появляется Агата, и Настя отвлекается на селфи с ней.

А Кирилл тянет Алёну к гримёрке. Наклоняется и целует её. Чуть ниже ключицы. У Агаты здесь блестят капельки пота – теперь-то она устала, и это заметно, у Алёны ничего такого нет. Кирилл просто шарит жадными губами, это как-то бессмысленно. «Ты очень красивая», – и его руки блуждают там, где совсем не надо, Алёна носит юбки и не скрывает ног, в отличие от Агаты. Ну это точно не газировка, и концерт ещё не закончился, он сошёл с ума, а какие у него руки сильные, в том смысле, что не вырвешься...

Но она вырвалась как-то. И теперь сидела на ступеньках запасного выхода и дрожала как от озноба. Впервые она встретила с чужой волей и чужой силой, почувствовала, что кто-то может подчинить её и она ничего с этим не делает, и это оказалось так страшно...

Настя что-то лопотала и невпопад брызгалась водой. Миранда молчала, вытянув губы в струнку и скрестив руки.

– Так, хватит! – сказала она наконец. – Ничего не случилось по итогу!

Она выхватила у Насти бутылку (с водой без газа), с хрустом её скомкала, выбросила в мусорную корзину и скрылась за дверью запасного выхода.

Домой они всё-таки вернулись вовремя. Даже странно – Алёна абсолютно потерялась во времени. Уже почистив зубы и приготовившись ко сну, она стояла перед зеркалом в

ванной. Не отрывая взгляда от своего лица в зеркале, медленно коснулась пальцами чуть ниже ключицы – того места, где побывали губы Трикстера.

Позорный эпизод вспоминался уже как-то по-другому.

Чего она, дура, запаниковала? Разве не об этом мечтают тысячи фанаток? Ей, можно сказать, повезло, а она подняла пену со дна, поставила всех на уши, так что никакой Трикстер теперь к ней близко не подойдёт. Молодец, ничего не скажешь!

Ночью Алёну осенило. Она проснулась, разбуженная даже не открытием, а мыслью о том, как же это не пришло ей в голову при свете дня. Она так и не заснула больше. Зато всё обдумала.

И Миранду встречала уже решительная и собранная.

Та заявила только к третьему уроку. Увидев Алёну с Настей, вопросительно приподняла брови.

– Ты ведь с Кириллом общаешься? – начала Алёна.

– Допустим.

– Передай ему, что я хочу сниматься в его новом клипе.

Брови Миранды изогнулись теперь удивлённо.

– Что?! Васнецова, ты с дуба рухнула? Клип ей! Может, в солистки сразу?

– Это мы ещё обсудим, – серьёзно сказала Алёна. – С тем же Кириллом.

– А если нет, то что? – спросила Миранда.

– Тогда вот!

Алёна кивнула стоявшей рядом Насте, и та послушно подняла экран телефона, на котором светились лица Трикстера и Алёны.

– Ну и?

Алёна улыбнулась. А Настя запустила видео. Несколько секунд, и уже понятно, какой Кирилл невменяемый и чего он хочет от Алёны. Настя нажала паузу, погасила экран.

– Это самое начало, дальше интереснее, – прокомментировала Алёна. – Ты Кириллу скажи – надеюсь, он понимает, как я могу использовать эту запись?

– Мне-то откуда знать? Я передам, а он пусть сам думает.

– Только чтоб быстро! – предупредила Алёна.

– И тыщу мне верни! – встряла Настя.

Миранда расхохоталась.

– Извини, я не ношу при себе такие огромные суммы, – сказала она, отсмеявшись.

Зелёные глаза её искрились, на виске легонько пульсировала растревоженная смехом венка.

Настя что-то недовольно пробурчала, а Алёна смотрела на Миранду и думала, какая же тонкая у неё кожа, – она никогда раньше не видела её так близко: при ярком свете вообще прозрачная, разве можно выжить с такой кожей?

– А ты не такая уж простая, Васнецова!

Алёна вздрогнула, не сразу сообразив, что Миранда это о ней. А когда сообразила, то разозлилась. Да что она о себе

думает!

– Объясни: зачем тебе это всё? Ты просто славы хочешь?
Или тебе Кирилл нужен?

– Это моё дело!

– Ты ещё не видела всех ступеней его мракобесия!

– Значит, меня ждёт много открытий.

– Это только на сцене прикольно!

– Я догадалась.

– Ты на что-то надеешься? Да у него в каждом городе...

– По одиннадцать беременных подружек?

– Почему одиннадцать? – растерялась Миранда.

– Чтоб страшнее! – огрызнулась Алёна. – Хватит меня пугать! Твоё дело – передать инфу кому следует! А советы мне не нужны!

Миранда отпрянула.

Так-то вот! Знай своё место, ведьма рыжая!

Разговор закончился. Теперь можно и плясать, и прыгать! Алёна с трудом удерживала себя в руках, внутри у неё всё переворачивалось и смешивалось в разноцветные праздничные вихри. Так вот, значит, как чувствуют себя победители!

Она опять вспомнила слова Миранды, но теперь они отзывались в ней торжеством. Как будто она уже сделала клип, стала звездой и вообще зажигает на сцене вместе с Трикстером и Агатой.

Агата ладно, пусть останется, голос у неё всё-таки потрясающий.

Алёна сначала не поняла, что это кот. Просто собака со странными повадками. Собака, которая несёт хозяину палку. Которая вдруг припустила гигантскими прыжками от других собак и забралась на дерево.

Хозяин подошёл к дереву. Собаки – настоящие – разбежались. И кот спрыгнул прямо ему на спину. Когда хозяин обернулся, Алёна перестала думать про необычного кота. Потому что перед ней стоял Кирилл.

– Привет, – сказал он, придерживая кота.

– Здравствуйте.

Кирилл улыбнулся и тут же охнул, потому что кот стартовал с его спины опять на дерево. Никакой опасности не было, но он то ли птицами заинтересовался, то ли просто решил развлечься.

– Я думал, мы на «ты», – сказал Кирилл.

– А я думала, ты предупреждаешь, когда собираешься прийти.

Ну конечно, на «ты», Алёна сама не понимала, откуда взялось вдруг это «здравствуйте».

– О чём? – удивился Кирилл.

– Мы разве не клип снимать собираемся?

– А, ну да... Клип. Бемоль, ко мне!

Команда была совершенно собачьей, но кот в этот раз не пошёл против естества – он шебуршал где-то наверху, ветки похрустывали под его лапами, самые мелкие летели вниз.

– Клип, да, – повторил Кирилл. – Знаешь, снимать пока рановато, надо определиться с локациями и всё такое...

– Так давай определяться. Прямо сейчас. Что нам мешает?

Кирилл поднял плечи.

– Да вроде ничего. Пойдём.

– А... – Алёна посмотрела на дерево, по которому всё ещё бродил кот Бемоль.

– Догонит, – Кирилл беспечно махнул рукой.

И правда – кот нагнал их, когда они пересекали велосипедную дорожку, которая отграничивала «малышовую» часть двора, с её песочницами и горками, от взрослой, со скамейками и остатками баскетбольной площадки.

Кирилл наклонился и нацепил на кота ошейник с поводком. Тот не протестовал, только мяукнул еле слышно.

– Как это он так? – удивилась Алёна.

Кот спокойно трусил рядом, не обращая внимания на поводок.

– Хозяин собачку хотел, – серьёзно произнёс Кирилл. – Вон, смотри, подходящий объект.

Алёна удивилась. Что может быть привлекательного в изнанке летней парковой сцены?

– Стиль уличной съёмки, – кивнул Кирилл, заметив её сомнения.

И зашевелился, затормошил её, не позволяя задавать вопросы. Встань сюда. Повернись вот так. Посмотри туда. Вы-

ше. Ниже. Правее. Левее.

Бемоль отыскал местечко посуше и спокойно сидел себе, следил за людьми круглыми глазами. Поводок лежал рядом и нисколько ему не мешал.

Они ещё пару мест отметили такой же блиц-сессией.

Уличная съёмка, хм.

Но результат Алёне понравился. Получилось так... атмосферненько. Несколько фоток она мысленно примеривала на аватарку. Только вот...

– Я как-то иначе представляла себе клип к этой песне.

– К какой песне? А, ну да...

Кирилл помахал рукой в воздухе, подбирая слова.

– Ну, во-первых, это ещё не клип. А во-вторых, видеоряд крайне редко дублирует содержание. Это считается не круто.

Алёна понимающе кивнула. Хотя в её голове песня о простушке и колдунье не уживалась с городским видеорядом вообще никак! Но Кириллу виднее. Хочется верить, что он профессионал.

– Вовремя отработали, темнеет уже, – заметил Кирилл, быстро скользя пальцами по экрану.

Он отправлял фотки Алёне, поэтому она тоже смотрела в телефон.

– Слушай, – он поднял голову. – Я бы тебя проводил, да Бемоль проголодался. Сама доберёшься? Тут вроде недалеко.

– Без проблем, – Алёна пожала плечами. – А можно кота

погладить?

– Без проблем, – улыбнулся Кирилл.

Однако Бемоль куда-то исчез. Только что лупал глазами, заглядывал хозяину в лицо – и вот уже ни тени, ни следов от поводка.

– Домой потащился. Ничего страшного.

– А дорогу знает? – усомнилась Алёна.

– Знает. Тут рядом.

– Зачётный кот. Я таких не видела никогда!

Кирилл развёл руками, признавая: так и есть, кот супер.

Алёна ещё раз полюбовалась фотками, а потом они разошлись каждый в свою сторону.

– А ты не понимаешь, нет? Что всё серьёзно! Вот так оно всё и начинается! А потом поздно! Я боюсь, как бы уже не поздно!

Когда мама заводится, то начинает говорить голосом пронзительным и высоким. Сейчас она едва ли не срывалась на визг. Папа иногда вставлял что-то своим – никогда не меняющимся – басом. Но маму это не успокаивало.

Алёна хлопнула носом и с ненавистью посмотрела в зеркало. А ведь каких-то три часа назад она себе там нравилась. Ну да, посомневалась немножко насчёт подведённых глаз – было искушение сделать стрелки до самых висков, как у Агаты. Но потом Алёна решила, что не надо никому подражать, надо ощущать себя личностью. Сильной, уверенной, способ-

ной поставить свои условия. Не всё же таким, как Миранда, хозяйничать в этой жизни!

Кирилл позвонил, разговаривал уже совсем другим голосом, не раздражённым, а деловым. Сообщил, что сегодня съёмки не на улице, а в павильоне. Да, вот так вот меняются планы – а потому что график аренды внутри помещений предельно плотный, сейчас не впишешься, будешь ждать полгода, да звёзды мы, звёзды, но не настолько, чтобы под нас подстраивались по первому требованию...

А когда она была почти готова, позвонил ещё раз, сказал, что вот прямо сейчас всё решается, возможно, съёмку придётся отложить, на пару часов. Или на пару дней. Или больше. Но он на связи, и она, Алёна, тоже пусть будет на связи.

Алёна почему-то услышала только про пару часов. Поэтому и сидела, готовая стартовать по первому сигналу. Одетая, покрашенная и с телефоном, естественно. В голову, кроме съёмок, ничего не вмещалось, даже музыка «Трикстера», даже песня про ведьму.

Алёна маялась. Пересматривала фотки, качалась на стуле, без конца обновляла новостную ленту.

Вот в таком состоянии её и увидела мама. А потом ещё раз увидела, примерно через полчаса, когда пришла звать к обеду. Алёна сказала «сейчас», не отрываясь от телефона, и, конечно, тут же забыла. Тут у мамы терпение кончилось. Ноутбук она отобрала, телефон тоже. Сказала, чтобы никаких поздних возвращений домой. Да вообще никаких возвраще-

ний – Алёна под домашним арестом!

Недоумение – осознание – отчаяние. Смену этих своих чувств Алёна запомнила отчётливо. Даже странно, до чего отчётливо: как по ступенькам шагала.

Вниз.

А дальше оступилась и полетела кувырком – как нахлынула ярость, она вообще не помнила. Как отступила, впрочем, тоже. Просто потом она сидела с мокрыми волосами, икала и глотала воду из пластиковой детской кружки.

– Что ты молчишь? Что ты уставилась в эту кружку?

Мама не понимала. Даже папа не понимал.

Кружку давно не использовали, она стояла в шкафу, наверное, со времён Алёниного младенчества, и на дне сохранился коричневый налёт. Алёна смотрела на него без отвращения и вообще без эмоций. Там, на дне этой детской кружки, растворялся и таял призрак её Счастливого Случая.

– Будешь книжки читать! Крючком вязать! Йогой заниматься! А через неделю у тебя встреча с психологом! Я договорилась.

Мама круто развернулась и вышла. Папа заглянул следом, развёл руками – что, мол, могу поделать?

Алёна устала плакать. Она с отвращением ткнула кнопочный телефон, выданный взамен родного. Где только такую древность откопали? Даже не позвонить: симка новая, из контактов только мама, папа и этот ещё психолог. А номера Алёна никогда не запоминала. Зря.

– Всё получилось? Ты ничего не пишешь! Даже ни одной фоточки не выложила, вот это выдержка! Или всё так секретно? Как Трикстер? Он не изменился? Вы ещё работать будете? Счастливая ты!

Алёна кивала и улыбалась, потерявшись в потоке вопросов. Она обрадовалась Насте, которая, отчаявшись дозвониться, явилась сама.

Подруга, естественно, ждала подробного отчёта после съёмки. Молчание Алёны её заинтриговало, причины придумывались разные: всё ещё занята, интересничает, слишком устала, – но никак не то, что Алёну лишили интернета.

– Да ты что! – Настя даже присела, выслушав про Алёнину беду, она такого ужаса даже вообразить не могла. – Ничего не получилось, и как же теперь? Слушай, а если карантин объявят, как в Европе?

– Какой карантин?

– Ну, из-за пандемии. Все об этом говорят, ты что, новостей не читала? А, ну да...

Алёна скорбно посмотрела на подругу.

– Вкусное печенье, – заметила Настя, выбирая из вазочки сладости. – Я ещё одно возьму, больше не буду. Я на диете вообще-то. Это ты ешь и не толстеешь, везёт же!

Они пили чай. Алёна налила себе в ту же детскую кружечку. Перед этим тщательно её отмыв, чтобы никакого налёта!

– Зато Миранда звездит, совсем стыд потеряла! – сказала

Настя. – Смотри сама!

Она достала телефон, провела рукавом по экрану, стирая невидимые пятна, и протянула Алёне.

– Я с твоего телефона сообщение отправлю? – попросила Алёна.

Про Миранду, конечно, занятно, но сейчас важнее другое.

Подруга дёрнула плечом. Алёна торопливо застучала по экрану, злясь на дурацкий Т9, который назойливо менял слова.

– Настя, уже поздно, твои родители будут волноваться!

Мама вошла без стука.

Алёна вздрогнула, телефон скользнул обратно к хозяйке.

– Да, ухожу!

Настя не удержалась, схватила ещё одно печенье, одним глотком допила чай и встала.

– Держись, подруга, – шепнула она, прощаясь. – И это... веди себя хорошо. Пусть тебя простят и вернут телефон.

Алёна кивнула.

Это были самые тоскливые каникулы в её жизни. Алёна и раньше весну не очень любила. Весна всегда обещала больше, чем дарила. Но такой пропасти между ожиданием и реальностью она себе даже представить не могла!

От нечего делать она и правда взялась за книги. Прочитала всю школьную программу до конца года. Принялась за папину фантастику.

Раньше она любила читать, и папа подсунул интересное,

он вообще поддерживал и развлекал её как мог, был бы ещё солидарен с ней в главном, эх! Но прочитанное не захватывало, а укладывалось куда-то сразу в архив памяти, потому что мысли Алёны были заняты другим.

Сообщение ей отправить не удалось. Хорошо хоть, Настя знает теперь её новый номер.

И Настя позвонила.

– Повезло тебе, подруга! – сообщила она. – Знаешь, как мы теперь будем учиться? Дистанционно!

– И что? – Алёна пока никак не могла сообразить, в чём везение.

– Ну ты тормоз! – возмутилась Настя. – Это значит, что тебе без компьютера никак! Поняла?

– Поняла-а! – протянула Алёна.

Новость оказалась верной и ошеломляющей. За дверями уже ругались мама с папой, обсуждая грядущие перспективы. Их ведь тоже отправили на удалённую работу.

Папа слушал. Ругалась-то мама, возмущаясь, что у неё рушатся планы, что это не жизнь – в четырёх стенах, – что такими темпами все быстро деградируют до состояния инфузории-туфельки. Про Алёну тоже говорила, но Алёна не слышала, что именно.

Этой ночью она засыпала с чувством тревожного ожидания.

Дистанционное обучение началось с того, что рухнули ра-

зом все образовательные платформы, не выдержав массового нашествия.

Выручили соцсети. Попрыгав по впавшим в анабиоз сайтам, школа мигрировала на территорию хаоса – в «Инстаграм» или ВК.

Когда мама вошла в комнату и, увидев Алёну в чате, уже набрала в грудь воздуха, Алёна продемонстрировала ей галерею окон, на каждом из которых горело: «Ошибка № ...»

Мама ничего не сказала. У неё самой тоже что-то не ладилось на работе, с техникой в том числе.

– Вот! Вот почему я не могу работать дома! – донёсся до Алёны её голос. – Потому что ты через каждые полчаса предлагаешь мне попить чайку! Лопнуть можно!

Это она про папу, догадалась Алёна. О н-то работал в мебельном цехе, а не в офисе, у него никакой удалёнки, а просто бессрочный отпуск. Бессрочный и безденежный.

– Сам пей свой чай! – рявкнула мама.

Хлопнула дверью и скрылась в спальне. Ну, хоть можно не так напрягаться, зная, что в ближайшее время она оттуда не выйдет, будет налаживать процесс.

Алёну, конечно, учёба интересовала в последнюю очередь. Пользуясь случаем, она лихорадочно просматривала переписку того самого дня, со страхом выискивая сообщения от Кирилла.

Ни одного!

Ни одного сообщения! То же самое со звонками.

Нет, этого просто не может быть! Он что, просто бросил её? Пообещал и скрылся во мраке?

Алёна ещё раз проверила: нет, не ошиблась, сообщений ноль.

В комнату вошёл папа. Вид у него был смущённый. В одной руке он держал тарелку с бутербродами, в другой – чашку чая.

– Заяц, ты извини... Я у тебя посижу. Мама решила, раз я всё равно бездельничаю, буду присматривать за тобой. Чтобы ты занималась уроками, а не посторонними вещами. Чай будешь?

– Пап, ну какой чай? – возмутилась Алёна.

Она отвернулась.

Папа, конечно, не мама. Он, даже если и поймает на постороннем, не станет ничего говорить маме – потому что до смерти не любит всякого шума и выяснения отношений.

– Ладно, сиди, – буркнула Алёна.

Как будто это она сама решала!

Но папа ободрился, прошёл наконец в комнату. Упал в кресло со своими бутербродами.

– Я не буду мешать! – пообещал он. – Я же понимаю, у тебя учёба... Но знаешь, я тоже учиться буду! Давно хотел поставить китайский, вот тебе и время появилось!

Он вытащил смартфон и занялся приложениями по обучению иностранным языкам.

А Алёна вернулась к своим проблемам.

Кирилл откликнулся неожиданно быстро. Прислал ей скрин трикстеровской странички.

«Хей, трикстеры с вами! Пока все маются в изоляции, мы готовимся взорвать мир новым роликом! Когда всё закончится, мы будем на низком старте и во всеоружии!»

И приписал:

«Не суетись, всё в силе, просто пока поставили процесс на паузу».

«Учти, я не люблю ждать», – ответила Алёна.

«Обстоятельства сильнее нас. А угрозы – не лучший способ наладить контакт. Мы ведь партнёры?»

Алёна перебрала, наверное, пятьдесят вариантов: писала и тут же удаляла, молясь, чтобы Кирилл не догадался о её терзаниях. Она боялась перегнуть палку, но и выходить из роли «Я-знаю-чего-хочу-и-всегда-добиваюсь-своего» тоже не хотелось. Нравилась ей эта роль. И не собиралась она её никому уступить!

В итоге она ограничилась коротким «да». Не удержалась и отредактировала: *«Пока да»*.

Алёна осторожно посмотрела на папу. Тихонько подвинула ноутбук – так, чтобы экран не просматривался с папиного места. Тот не заметил – углубился в смартфон, осваивая очередное приложение по изучению китайского. Тогда, ста-

раясь не менять выражения лица и не делать резких движений, она соскочила на страницу Миранды, к тем самым фоткам, что пыталась показать Настя.

Алёна смотрела, и зависть тугим узлом обхватывала горло.

Галерея прекрасных моментов. Миранда, Трикстер, Агата. Миранда везде! Непонятно, то ли это фотки с того самого концерта, то ли другие. Кирилл вроде одет точно так же, хотя он всегда так выглядит.

Алёна вдруг разозлилась на него не меньше, чем на Миранду, которая выглядела непозволительно радостной. Почему они празднуют без неё? Это ужасно несправедливо!

Почему у неё ничего такого нет? Неясные силуэты и мессиво огней с выступления не в счёт. Трясущимися руками сделано, такими фотками не похвастаешь!

– Заяц, ты что там делаешь? – подал голос папа.

– Ничего, – Алёна поспешно свернула страничку.

– У тебя закончились уроки? Так я пойду?

Первый день изоляции подходил к концу. После уроков все ринулись в чат класса, обсуждать, какой это сумасшедший дом. Алёна в этом участия уже не принимала: мама забрала ноут до следующего утра.

Родители разговаривали на кухне. Алёна прислушалась.

– Нельзя так много есть! И вообще, одними бутербродами питаться – это...

– Заюш, ну что я могу поделать? – извинялся папа. – Всю

готовую еду слопали, похоже.

– Да знаю я! – голос у мамы раздражённый, но хоть не кричит. – Сама что-нибудь приготовлю!

Она загремела кастрюлями, застучали дверцы шкафов. Алёна подождала немного, убедилась, что мама всерьёз занялась ужином. Прикрыла дверь и набрала номер Насти на своём кнопочном.

– Дурацкий карантин! – та принялась возмущаться почти сразу. – Мне крёстная шмоток надарила, и куда их теперь? Никому не покажешь, весь сезон в топку!

– Фотки мне перешли с концерта, – перебила Алёна. – И видео тоже, ты обещала.

Настя помолчала.

– Ладно, – наконец сказала она. – А что мне за это будет?

– В смысле? Мы же договаривались!

– Договаривались, – проворчала Настя. – Только интересно так получается! Ты с Трикстером в фильме, у Миранды всё в шоколаде, одна я как лузер!

– В клипе, – машинально поправила Алёна.

– Да не суть! Ты поняла, о чём я.

Вот ещё проблем с лучшей подругой не хватало! Что-то она полна возмущения последнее время. Раньше такого не случалось. Алёна привыкла, что Настя не особо умна, не слишком красива, любит поворчать по мелочам. Но у каждого свои недостатки. И с Настиными ещё можно мириться. Зато она не заслоняет Алёну, она согласна быть тенью.

Согласна ли?

Так и пошло. По утрам Алёна садилась за компьютер. Папа рядом. Всё постепенно наладилось, ничего больше не зависало. Задавали много, больше, чем в реале, и спрашивали строже, и укрыться, понадеяться, что сегодня не твоя очередь, невозможно.

Учиться дистанционно оказалось труднее. Тем, кто учится, конечно. Большинство-то не озадачивалось, пользовалось скринами тестов и готовыми домашними заданиями, которые щедро сливались в чат их одиннадцатого «У». Трудились в основном одни и те же. Ирка Егорова, Женя Кудрявцева, ещё парочка отличников. Они и выкладывали ответы.

Алёна тоже работала самостоятельно, но ей как-то жалко было делиться. С кем делиться-то? С Гариком, у которого в голове, кроме мемов, ничего не умещается? Или с Иваном, который спит и даже спасибо не скажет? Да и вообще, это неправильно: кто-то трудился, а кто-то воспользовался чужим трудом. А оценки получают одинаковые – учителя давно отчаялись найти способы разоблачения бездельников и махнули на них рукой.

Но в чат класса Алёна всё равно ходила регулярно – вдруг что-то интересное пропустишь.

Мама пыталась контролировать ситуацию, но у неё и на работе проблем хватало. Там тормозили какие-то проекты,

отчего она оказалась не у дел и потому прямо места себе не находила!

– Заюш, ну посмотри, как много лишнего вы, оказывается, делали! – заметил однажды папа. – Удалённая работа удалила всё ненужное, – он засмеялся.

Каламбур был настолько неуклюжим, а папины попытки поднять настроение – настолько неуместными, что Алёне стало стыдно за него. Но мама почему-то ничего не сказала.

У мамы теперь хватало её ценного ресурса – времени. И она ещё не определилась, на что его потратить. То ли, как папа, начать изучать иностранные языки. То ли заняться ирландскими танцами. Или пересмотреть наконец фильмы из вечного списка «на потом». И пока выбирала, она готовила еду. Много еды.

Настя совсем пропала. Нет, она, конечно, появлялась на уроках онлайн, но Алёне не звонила, не писала. Да Алёна, в общем, сама не рвалась общаться. Последний разговор вышел какой-то странный.

Зато она заходила к Миранде на страничку.

И злилась! На неё и на себя – зачем смотреть, чтобы так мучиться? Пока они с Настей сокрушались по поводу бездарного коронаседения, Миранда вовсе не унывала. Обыкновенную разминку на физре умудрилась превратить в шоу! Сделала ролик и в «Тикток» выложила. Три тысячи лайков, если что.

Да разве за ней угонишься? Ведьма, настоящая ведьма!

Вот она смотрит через плечо. Пьёт воду. Капелька срывается с горлышка бутылки и падает на грудь. Миранда вытирает губы тыльной стороной ладони. Прячет улыбку. И это уже не челлендж, а магия. Не скопировать этого, не перенять!

А сегодня вообще – Алёна зашла и обмерла. Уличная съёмка, говорите? Те же места, что проходили они с Кириллом. Только Миранда ещё и Бемоля на руках держит!

Он ей Бемоля доверил! Он совсем недавно это снимал!

Алёна приготовилась терпеливо ждать, потому что карантин, изоляция, все дела. А выходит, это для неё одной? А Миранде закон не писан?

«Трикстеры» возьмут Миранду вместо Алёны, разве непонятно?

– Заяц, представляешь, – голос папы врезался в тишину, как камень в песочный замок. – Я всегда думал, что «аригато» – это «спасибо» на японском! Заяц, ты меня слышишь?

– Это «спасибо» на японском, – подтвердила Алёна, не отрываясь от экрана.

– Стоп! Я же китайский изучаю. Или нет?

Алёна повернулась. В голове шумела песня «Трикстера», та самая, про ведьму, но дальше вступления не двигалась – слова забылись.

– Это японский, пап, – сказала Алёна, разглядев иконку приложения: красный круг на белом.

Страна восходящего солнца. Как можно перепутать?

– Ой-ё! – спохватился папа.

– Ну ничего, ещё и японский будешь знать, – через силу улыбнулась Алёна.

Выскочить из дома по уважительной причине – вроде в магазин. Тут же забыть про магазин, потому что мука, имбирь и сельдерей – это что-то из области внезапного маминского увлечения, но не Алёниной жизни.

Она неслась по улице, слегка полинявшей за зиму. Снега в этом году не случилось, поэтому сейчас не хватало тающих островков, сверкающих потоков, мокрого асфальта. Как будто она всё пропустила! Как будто у неё украли весну!

Алёна остановилась, добежав до места, где в прошлый раз распрощалась с Кириллом. Здесь мог бы быть скверик – место открытое, солнечное, вон уже пробивается бойкая свежая травка. Но территория почему-то оставалась необжитой. Может быть, из-за бетонной гряды, которая раньше служила скамьёй, пока с неё не исчезли дощечки для сидений. Кирилл находил гряду живописной, но больше она никому не нравилась.

Алёна растерялась. Почему-то дома ей казалось, что она легко ориентируется на месте и отыщет Кирилла. Он тогда махнул рукой – вон там мой дом. Но в той стороне начинались промышленные здания, там люди вообще, кажется, не живут.

Глупая ситуация, глупее не придумаешь. Но что делать, если телефон Кирилла молчит вторую неделю, а Шанс ста-

новится призрачнее облака, вероломнее, чем весенний лёд.

И тут она замерла.

Шанс, конечно, не материализовался. Но повернулся к ней, полыхнув знакомыми жёлтыми глазами.

Боясь поверить в такую удачу, Алёна позвала очень тихо, почти беззвучно:

– Бемоль!

Разумеется, это он! Разве его можно с кем-то спутать! Кот тыкался мордой в наросшую травку, вдумчиво и неторопливо. Он не стал кокетничать и делать вид, что не слышит, а поднял голову и посмотрел на Алёну. Она в это время вертела головой, отыскивая хозяина. Но нет, кот гулял в одиночестве.

– Бемолечка!

Она бы его схватила, но вовремя поняла, что это не лучшее приветствие для малознакомого кота. Она же не Миранда!

Бемоль закончил с травой, дёрнул хвостом, прыгнул на бетонную уродину и приземлился с другой стороны.

Алёна ринулась за ним, прямо через бетон, хотя могла бы обойти.

Кот потрусил, не оглядываясь. Алёна следовала за ним, стараясь не слишком приближаться. Кот исчез в узкой арке между домами. Алёна помедлила и нырнула следом. Хочешь добраться до Страны чудес – доверяй Белому кролику! Или чёрному коту. У каждого свой проводник.

Проводник между тем сорвался с места и припустил огромными скачками. Но долго бежать не пришлось – только до крайнего подъезда. Здесь имелся домофон, но дверь почему-то была открыта, и кот, по-видимому, иного не ждал. Он снова обрёл степенность и шагом направился к двери на первом этаже, которая уже открывалась ему навстречу.

На пороге стояла Миранда.

– Ты что здесь делаешь? – удивилась Алёна.

– Живу.

– А Кирилл?

– Тоже.

– Вы... вместе?

Миранда улыбнулась.

– А как же клип? – упавшим голосом произнесла Алёна.

– Да никак! – отрезала Миранда. – Спустись на землю, Васнецова! Праздник отменяется! Видели мы твой компромат. Попытка засчитана, но – ничего особенного.

– Где видели?

– Угадай!

– Настя слила?

Миранда кивнула.

– Выбирай подруг получше, ладно?

– Таких как ты? – не сдержалась Алёна.

Миранда усмехнулась. Взялась за ручку двери, потянула на себя.

– Да нет, я не претендую. Иди домой, Васнецова! Изоли-

руйся.

Удивительно, но она ничего не забыла купить. Ни муку, ни имбирь. Ни даже любимый йогурт. Хотя мама его не заказывала, а Алёна сейчас меньше всего думала про еду.

Когда она подходила к дому, ей встретилась компания мальчишек лет девяти-десяти. Они катили перед собой огромный шар из железных прутьев. Где только такой нашли! Мальчишки шумели, хохотали, с явным удовольствием сквернословили. Алёне вдруг захотелось с ними – ругаться, и орать, и пинать этот несуразный шар. Но ребята посмотрели на неё презрительно и помчались дальше.

Она уселась на ступеньки собственного подъезда, открыла йогурт и выпила его весь – без удовольствия, заглатывая и давясь. Потом подобрала пакет с продуктами и поплелась наверх.

– Ты что так долго? – мама выглянула из двери кухни.

Там что-то шкворчало, но тянуло почему-то травяным чаем.

Алёна прошла к себе. Ноут стоял закрытый. Никто его больше не отбирал, но радости по этому поводу Алёна не чувствовала. Он перестал быть для неё окном на свободу и превратился в источник тревог или бесконечной работы. Занятия, опять занятия, обсуждения занятий...

Этот мир явно устроен неправильно. Несправедливо. Ты не получишь ни одной своей радости, если будешь только

честно желать и честно просить. Капитаны всегда выбирают тех, в чьих глазах спрятан зелёный ночной огонь. Он неверен, зато заманчив, и как может соперничать с ним обычная нежность? Нежным остаётся только уступить. И молиться, чтобы ведьма не разлюбила капитана, чтобы хранила его от бурь и чужого оружия.

Тебе ничего не светит, если ты не чертовка. Если не умеешь плевать на все законы с той высоты, куда сможешь взлететь. Или запрыгнуть.

Папа позвал ужинать.

– Чашушули! – объявила мама, ставя на стол блюдо с дымящимися мясными кубиками. – Грузинская кухня.

– М-м! – папа потянул носом и в упоении закрыл глаза. – Мне добавки! Сразу!

Он принялся накладывать чашушули на тарелку, но сначала не себе, а Алёне.

– Попробуй сначала, – засмеялась мама.

– Чего пробовать? Я уверен, что вкусно! Мясо и помидоры – что тут можно испортить?

Кубики мяса перестали уместаться в тарелке, и только тогда папа перестал подкладывать Алёне еду. Она взяла вилку и запихнула в рот первую порцию. Горячо. Остро. С солью перебор. Из мамы кулинар, как из Алёны... актриса!

Но Алёна протыкала вилкой податливые кусочки мяса, жевала, глотала. Некстати вспомнилось, что на съёмках актёры выплёвывают еду. Иначе они получили бы растяжение

желудка, после двадцати-то дублей.

– Нравится? – спросила мама.

Папа рывкнул что-то с набитым ртом. И замахал рукой, порываясь объяснить.

– Да поняли мы уже, что ты восхищаешься на японском!

– У каждого свои увлечения! – отбился папа.

– Алёна?

В голосе мамы зазвучала тревога. Потому что Алёна уронила вилку и запустила пальцы в тарелку. Она выбирала мясные кубики, выкладывала их рядком на скатерть. Вокруг расползались жирные пятна. А в рекламе мясо ненатуральное, это всего лишь муляж из воска или пластика. Вот зачем эти знания, если ей даже в рекламе сниматься не светит?

Мясо кончилось. Алёна замерла, растопырив пальцы, окрашенные рыжей подливой. И с силой ткнула лбом в столешницу.

Ей снилось, что она меняет обувь. Снимает старые ботинки и надевает новые, удобные. Она обрадовалась, что ботинки сразу оказались по ноге, как будто привычные, ношенные. Ботинки должны служить долго – во сне её ждал длинный путь.

Алёна открыла глаза. Сон моментально улетучился, не оставив после себя того удовольствия, которое Алёна испытала.

Солнце светило необычно ярко. Проспала, равнодушно

подумала она. В кухне происходила какая-то возня. Тихая, правда, – ровно такая, чтобы обозначить, что здесь кто-то живёт и проснулся раньше.

Алёна приоткрыла дверь. Папа сидел у окна, мама за столом, перед горой теста, на том самом месте, где Алёна пыталась головой пробить стол.

– Сегодня выходной? – голос звучал хрипло, сорванно.

Она же вроде не кричала?

Родители встрепонулись. Мама вцепилась в тесто как в спасательный круг.

– У тебя да, – сказал папа. – Я позвонил Марине Петровне, сказал, что тебе нужно отдохнуть.

Мама молчала. Пальцы её разминали огромный комок, расположившийся в широкой зелёной миске.

– Куда так много? – кивнула Алёна.

– Я и не хотела так много, – сказала мама. – Просто никак не угадаю с пропорциями. Получается то жидко, то наоборот. Вот и...

– Понятно, – Алёна тоже ткнула комок пальцем. – К психологу меня уже записала? Они теперь онлайн консультируют. Или сразу к психиатру?

– Никаких психологов! – громыхнул папа, Алёна даже вздрогнула. – Никаких психиатров! Сами справимся! Просто надо взять тайм-аут. Как маме. Видишь, какая она счастливая. Дома сидит, пироги печёт.

– Скоро в дверь не пролезешь с пирогами своими, – про-

ворчала мама.

– Ну... да. Есть такое, – папа с сомнением оглядел свой живот.

Мамины пальцы всё мяли и мяли чавкающую массу.

– Да оставь ты в покое эту гадость! – не выдержала Алёна.

Мама прекратила терзать тесто, обеими руками подняла расплзающийся комок и выбросила его в мусорное ведро.

– Тайм-аут, заяц, – повторил папа, дождавшись, когда за мамой привычно захлопнется дверь спальни. – Ничего. От этого не умирают.

Алёна присела на табуретку. Она пока не осознавала: это её просто обошли или она вообще сошла с дистанции? Что из этого хуже, она тоже не понимала.

А может, нет в этом ничего страшного? И иногда можно посидеть у запасного выхода, пока все душат друг друга у парадного? Папа прав, от этого ещё никто не умер.

Алёна отодвинула зелёную миску. На скатерти остался мучной след.

Он был похож на солнце.

Соулмейт

«Ледяной якорь», «пасть дракона», «паучья кость», даже заурядная мышеловка. Ну, это очень смешно! Всё равно что ловить воздух ладонями. Или попытаться наступить на солнечное пятно.

Я отсмеялся, вытер слёзы и тщательно обезвредил все ловушки.

Мышеловку, впрочем, оставил. Кто-нибудь обязательно попадётся, и жестокие зубы сомкнутся на несчастной легкомысленной тушке.

А ничего! Ловушка устроена так, что одним мощным ударом перебьёт позвоночник.

Некрасиво, конечно, но долго мучиться не придётся. Жертве вряд ли будет больнее, чем мне.

Боль не позволила вспомнить о ней просто так. Виски пронзило ледяной иглой, дыхание перехватило. Я замер, не в силах двинуться дальше. Но беспощадная Тварь, подцепившая меня на крючок, наблюдала за происходящим, она видела дальше, чем я, и знала, когда безопасно напомнить мне о том, кто здесь настоящий хозяин. Ощутимо, но без вреда.

Боль ушла так же внезапно, как и появилась. Я продышался и двинулся вперёд. Очень хотелось думать, что по своей воле.

Женя откидывается на спинку кресла и прикусывает большой палец. Она вроде бы видит эту сцену – всю в рваных и ломаных линиях, лаконичную и насыщенную одновременно. Два или три цвета, не больше. Минимум деталей. А, ну да, и не выбиваться из общего стиля арки.

Хотя стиль Жене наскучил, она бы не прочь что-то поменять.

РоV Гермес...

Однако он очень самонадеян, этот болван, что следовал за мной. Он думал, я не замечаю, как он скользит вдоль замерших домов, стараясь держаться в тени. А я, конечно, делал вид, что не замечаю.

Настоящий болван – он даже оружия с собой не взял.

Я свернул на одну из улиц и хотел притаиться за углом. Но потом мне понравилось высокое парадное крыльцо ближайшего дома. Я представил, как лихо можно прыгнуть с верхней ступени на этого горе-

охотника и свернуть ему шею прямо на лету.

Взбежал по лестнице и опять передумал. Вместо того чтобы замереть в засаде, зачем-то прошёл внутрь.

Дом был мёртв, как и все остальные дома. Нет, никаких следов разгрома: мебель стояла почти нетронутая, в углу собрались в кучу мягкие звери, на широком столе – книги и детские рисунки. Но тлен уже проник в это гнездо: стёкла ссыпались на подоконник, здесь же, на подоконнике, чернели тушки дохлых насекомых, потолок пошёл трещинами, а на полу валялись листья, перья, другой мусор, занесённый снаружи случайным ветром.

Лучше бы сгореть этому жилищу, чем вот так медленно умирать, лишившись хозяев.

Я подобрал с пола упавший рисунок. На нём было изображено дерево с богатой листвой и висевшими на ветвях большими плодами. Плоды напоминали планеты, а ветви не вмещались в картину и уходили за её грань. Я подивился фантазии человеческого ребёнка, потом смял бумагу и бросил на стол.

Надо признать, он умел двигаться, мой преследователь. Он подобрался почти бесшумно и теперь стоял у меня за спиной. Если бы не Тварь, мы были бы почти на равных. Но Она наделила меня нездешним зрением и звериным чутьём, и он просто не мог остаться незамеченным.

Тварь разрешала мне играть. Наверное, ей самой это нравилось.

Ударить не оборачиваясь. Повалить одним броском и сомкнуть руки на шее. Только пусть подойдёт поближе...

– Я так и знал, что ты придёшь сюда.

Нет, не слова заставили меня вздрогнуть и обернуться.

Голос.

Тот, кто их произнёс.

Женя читает, забыв обо всём. Она давно ждала, когда Гермес встретится с Икаром.

Они с детства друзья, но это не помешало Икару отречься от него, как отреклись остальные. Женя понимает, что это справедливо, что Икар хороший, а Гермес чудовище и он заслужил такое к себе отношение. Но ей всё-таки немного жаль Гермеса.

Над этим фанфиком Женя работала давно и с удовольствием. И не то чтобы это был её любимый фандом (теперь-то любимый, да!). Что-то в самом тексте зацепило.

Иногда такое бывает – и словами не объяснить, где они, точки сближения, в каких таких особенных словах. Букв всего тридцать три, совершенно непостижимо, как они складываются в таинственный код, понятный только соулмейтам.

Больше года. Женя сама удивилась – больше года прошло с того дня, как она открыла страничку неизвестного тогда фикрайтера. И сделала фан-арт к первой главе.

А потом Флегматичный Огрызок – так он (или она) значился на «Фикбуке» – ждал уже иллюстрацию к новой гла-

ве. И Женя вливалась в пруду смелыми штрихами, обмирая, читала восхищённые комментарии к их тандему и чувствовала себя настоящим художником.

Пожалуй, это уже можно назвать отношениями.

Соулмейт, правда, не особенно баловал комментариями, а в сообщениях осторожничал, так что Женя ничего не знала о его личной жизни. Может, так и лучше: ведь от неё тоже никто не требовал откровенности.

Соулмейт, несомненно, личность выдающаяся, возможно даже, это взрослый человек с солидным бэкграундом и уж точно с богатой и смелой фантазией. И что могла ему рассказать о себе старшеклассница Женя Кудрявцева, девочка-невидимка?

Приходится, однако, оторваться от любимых буковок. Через полчаса дистанционный урок, а ещё успеть бы сделать пару заданий.

Женя вздыхает и раскладывает тетрадки.

И тут звонит мобильник.

Она слышит настойчивое пение, мечется в поисках, но ответить не может. Телефон спрятался где-то в книжных завалах.

Женя с досадой пинает кучу книг, сложенных на кровати, и они друг за дружкой скользят на пол – как в аттракционе.

Телефон затихает. Женя, чуть не плача, продолжает поиски. Если это мама, то вечером не миновать выяснения отношений.

Мама звонит в редкие свободные моменты, и это надо понимать. Необходимо взять трубку и ответить. Потому что в следующую секунду мама снова помчится работать, и перезванивать ей бесполезно.

Вот он, телефон.

Женя торопливо включает экран, но не успевает ничего увидеть. Телефон будто взрывается в её руках.

– Ты чего трубку не берёшь?

Женя слышит голос Милы, и её отпускает. Настолько, что она не сразу понимает, что ей говорят.

– Чего ты молчишь, тормоз юный?

Мила орёт и, видимо, злится. Но звук тихий. Как будто издали.

– Я тебе же... мать... не слышишь...

Теперь ещё и паузы. Что-то со связью?

– Мил, давай позже! – Женя тоже кричит в трубку. Словно нестабильную связь только так и можно компенсировать, таким вот громким голосом. – Мне сейчас некогда!

Молчание. То ли Мила вняла просьбе, то ли связь вообще пропала.

Женя смотрит на часы. И правда некогда. До урока пятнадцать минут, задания так и не сделаны, ещё и в комнате теперь бардак. Пока искала телефон, всё перевернула вверх дном!

– Простите, Мариночка Петровна. Одну минутку, Мариночка Петровна, – бормочет Женя, выхватывая из шелестя-

щей кучи нужное, собирая в горсть разбросанные карандаши, пинком отправляя под кровать запасной рюкзак и краем глаза поглядывая на монитор.

Она спешно пытается навести порядок, хотя, наверное, стоило бы заняться задачками по биологии. Комната что? Повернул камеру в другую сторону – и груда книг на полу, и клубок из одежды и скомканные покрывала остались вне зоны видимости.

До Жени это наконец доходит. Да, она и правда тормоз, Мила не преувеличивает.

Она надеется, что Марина Петровна опоздает минут на пять.

Но звук вызова раздаётся даже раньше времени.

Женя кидается к ноутбуку и обмирает.

Это не Марина Петровна.

– Ну что, деточка, поговорим про вирусы. Актуальная сегодня тема, не так ли?

Так начала Бронислава их последнее очное занятие.

Женя кивнула. Она, как всегда, жутко смущалась. Из-за «деточки», которая, впрочем, в устах Брониславы звучала совсем не ласково, а скорее с жалостью; из-за того, что ей, как всегда, хотелось чихнуть от Брониславиного парфюма – наверное, изысканного, но для Жени совершенно непереносимого.

А ещё она думала о том, что под ногами у неё рюкзак и

надо бы с ним поосторожнее. Там спрятался нарядный пакет. Мама настояла: дорогие конфеты, кофе и орехи макадамия – скоро Восьмое марта, репетшу надо поздравить. Женя пыталась сопротивляться, но маму разве переспоришь?

Бронислава наверняка выше всего этого.

Пани Збаражская Бронислава Казимировна. Потомственный биолог, доктор наук, преподаватель университета и старая аристократка. Вот какой у Жени репетитор по профильному предмету!

Хотя «старая» – это не про неё. Бронислава, конечно, пожилая. Сильно пожилая даже. Но она так держится и разговаривает, что никому в голову не придёт вспомнить в её присутствии о каком-то там возрасте. Женя чувствует себя маленькой тростиночкой рядом с красивым вековым деревом.

Они занимались в просторной аудитории университета. Женя всё время думала, как она будет вручать подарок, не явится ли в этот момент кто посторонний, мучительно краснела и оттого была совсем рассеянной. Бронислава в ответ на промахи ничего не говорила, только вздёргивала свои аристократические брови.

Точно так же она их вздёгнула, когда Женя протянула ей пакет.

– Что это?

– Подарок. Вам. К Восьмому марта.

– Сегодня не Восьмое марта, – заметила Бронислава. – И вообще, деточка, это лишнее.

– Нет, возьмите, возьмите, пожалуйста! – взмолилась Женя.

И тут дно пакета провалилось, банка грохнулась, а круглые орехи бодро запрыгали по глянцевому полу в разные стороны.

– Ой, простите! Я сейчас всё уберу!

Женя чуть не плакала. Она попыталась прямо руками сгрести оставшиеся орехи в пакет, совершенно забыв, что он теперь негодный.

– Не надо, оставь уборщикам, – брезгливо произнесла Бронислава. – Я же сказала, что это лишнее.

И тут произошло то, чего Женя больше всего боялась. Кто-то открыл дверь и остановился на пороге. Чувствуя себя как в огне, не смея взглянуть в лицо вошедшему, Женя выскочила из аудитории.

Короче, потом она плелась домой с этим пакетом и с конфетами, которые в панике не заметила, как уволокла с собой. Её всё ещё преследовал ванильный запах макадамии, а Женя ненавидела себя и думала, что же она скажет маме.

Вон она, коробка конфет, спряталась на полке, в пространстве между книгами и задней стенкой шкафа. Можно их съесть, конечно, но Женя не смеет.

Так вот, это Бронислава звонит.

После того занятия Женя её больше не видела. Перестала ходить к ней. Родителям она об этом сказать не решилась.

Но мама, видимо, перечислила оплату за месяц – как он так быстро пролетел-то! – и у пани Збаражской возникли вопросы.

Тут в третий раз подаёт голос телефон. Как нарочно!

– Женя, что с мамой? – неожиданно отчётливо произносит Мила.

– А что с мамой? – переспрашивает Женя.

У её уха телефон, перед глазами ноут. Она слушает Милу, но смотрит на экран. Отклоняет вызов Брониславы. Всё равно она не знает, что ответить.

– Алло! Алло!

Это уже Миле. Но на этот раз в трубке застыла тишина настолько плотная и основательная, что уши закладывает.

Мама у Жени врач. Главный пульмонолог центральной больницы. Она спасает людей. Сейчас тех, кому нужно спасение, стало в сотни раз больше.

Женя тоже будет врачом. Так мама решила.

Когда пришло время определяться, она так и заявила:

– Пойдёшь в мед!

Женя немножко удивилась. Она вспомнила, как мама всегда ругала свою работу, как приходила домой полумёртвая от усталости, даже ещё до наступления пандемии. Как проклинала уродскую систему здравоохранения, вековую бюрократию, нынешних недоучек-врачей, бестолковых интернов, а главное – тот день, когда она выбрала профессию...

– А ты думаешь, жизнь состоит из удовольствий? – удивилась мама. – Легко только кошки рожают. И то не всегда. Привыкай.

И Женя стала привыкать. К ежедневным дополнительным занятиям – готовиться надо как можно раньше, чего тянуть? К мысли о том, что по окончании школы её ждёт медицинский вуз. Один из медицинских – мама ещё не определилась какой. Хорошо бы тот самый, что окончила она сама, но он был в другом городе, а мама боялась отпускать Женю далеко. Она её даже в Петербург в поездку с классом не пускала. Хотя в итоге поездка сорвалась из-за пандемии, но всё равно обидно – Женя очень хотела! Что уж говорить про учёбу!

Можно побороться, конечно. Но проблема в том, что Женя и возразить-то не может ничего конкретного. Мама так и спросила бы:

– Ну хорошо, и что ты предлагаешь?

И Женя ничего не предложила бы. Как объяснить, что, кроме комиксов, артов и аниме, тебе в принципе ничего не интересно?

В жизни действительно оказалось мало радости. Сплошное преодоление, испытание и чувство долга. Только так можно стать взрослым ответственным человеком.

Женя зубрила математику, химию и биологию. И заполняла тетрадные поля изображениями чумного доктора, безумного психиатра и других экзотических персонажей истории медицины. Однажды, забывшись, даже в тетради для кон-

трольных работ нарисовала. Хорошо ещё, не совсем треш, что-то безобидное.

Когда совсем уж уставала от формул и задач, отправлялась на любимый «Фикбук».

К Гермесу.

Ужасный перс на самом деле! Женя не уставала поражаться его цинизму, осуждала за то, что он никого не любит и думает только о себе – а так разве можно?

Но продолжала неумоимо множить эскизы в школьных тетрадках. Вот он похищает Пояс Силы из-под носа циклопа Бергамота. Отчаянно рискует, добровольно становясь приманкой для Искристого Дракона. Между прочим, в результате спасает целое племя северных людей, больше тысячи человек! Случайно, конечно. Все его добрые поступки вызваны случайностью.

Женя с грустью думала о том, что в её жизни ничего подобного не будет никогда! Да и не заслуживала она такой жизни, прямо говоря.

Экран ноута снова мерцает – ответственная Бронислава настаивает на общении. Звук вызова предусмотрительно отключён, но Женя слышит его у себя в голове. Вызов длится долго – как только у Брониславы терпения хватает!

Женя думает про репетшу почти с ненавистью.

Всё. Отключилась. Скорее всего, больше не позвонит.

Пани Збаражская не из тех, кто навязывает своё общество

другим.

Женя не выдерживает, набирает маму. Сама. Мама не отвечает, но Женя и не ожидала, что ответит. Она начитывает голосовое сообщение, говорит, что бросила занятия с Брониславой и вообще не хочет связывать своё будущее с медициной. Сколько можно решать за неё!

Закончить. Отправить. Всё.

Потом набирает Милу. После такого отчаянного поступка она ещё не в себе. Пальцы не слушаются, правильный контакт высвечивается с третьего раза. Но абонент не отвечает. Ни занят, ни вне зоны, ничего. Прежняя разрывающая уши тишина.

И снова звонок. На этот раз от Марины Петровны. Урок-то давно закончен!

– Женя! С тобой всё в порядке?

– Да. Извините, что пропустила. У меня тут...

– Я знаю, знаю! И тоже волнуюсь. Мы все волнуемся, – перебивает Марина Петровна. – С мамой всё хорошо?

– Да, – растерянно откликается Женя.

– Ну, я рада. А вообще, конец света! Совсем озверел народ. Береги себя!

И Марина Петровна облегчённо вздыхает.

После звонка Женя несколько минут сидит неподвижно.

Потом идёт посмотреть сайт новостей.

Марина Петровна тоже преподаёт биологию. Но не в уни-

верситете, а в обыкновенной школе, где учится Женя. С ней Женя не чувствует себя моллюском и ничтожной «деточкой». Ошиблась? Ничего. Забыла? Вспоминай, не страшно. И Женя исправляется, вспоминает, догадывается, находит ответ.

Она бы и дополнительно занималась с Мариной Петровной, но мама упёрлась в Брониславу, считает, что она лучше.

Про Марину Петровну и слышать не хочет. Поджимает губы, когда Женя о ней заговаривает, даже случайно.

Женя учится в одиннадцатом «У». У – значит «универсальный» Это профиль такой, у них в старших классах разделение: «Г» – гуманитарный, «М» – математический, «И» – иностранный. И вот универсальный. Вроде как разносторонний, но на самом деле – никакой. Сюда попали в основном те, у кого нет талантов ни в «И», ни в «М», ни даже в «Г». Или те, кто в своё время не смог определиться, что хотел бы изучать в старших классах. Вот и Женя тоже. Мама, когда узнала, ох и ругала Женю!

– Ну и будешь всю жизнь с отбросами общаться! – сказала она, когда вернулась из школы – ходила туда, чтобы перевести её на другой профиль, но сделать ничего уже было нельзя.

Но это ведь неправда! У них есть очень даже способные ребята! Ирина Егорова, например: такие пишет сочинения и статьи, гэшки обзавидуются! Или Игорь, он же артист прирождённый!

Но мама не верит. Она вообще относится с подозрением ко всем, кого Женя хвалит. Стоит о ком-нибудь сказать хорошо, мама тут же отыщет изъян. Или придумает.

Женя раньше спорила, доказывала что-то. Потом перестала. Себе дороже. Теперь она просто не рассказывает маме про тех, кто ей по-настоящему нравится.

Но про Марину Петровну молчать не получается. Она же у них не только преподаватель биологии, но ещё и классный руководитель.

Вот, кстати, мама считает, что никуда не годная классная. Дисциплину держать не умеет. За успеваемостью не следит. Рассеянная – даже электронный журнал вовремя заполнить не может.

Это неправда.

Всего один раз, в каком-то допотопном десятом классе, Марина Петровна забыла вовремя выложить ДЗ. Мама до сих пор вспоминает.

Хотя с дисциплиной у них и правда беда. Марина Петровна просто такая... Не умеет быть жёсткой.

Так нельзя. Это даже Женя понимает. Марина Петровна, даже когда учеников отчитывает, будто не требует, а просит. И видно, что ей ужасно неудобно ругать человека.

Вот поэтому все думают, что могут Марине Петровне указывать. И родители, и другие учителя.

Однажды Женя слышала, как её отчитывает завуч.

Марина Петровна трубку рукой закрыла и отошла подаль-

ше, но завуч так орала, что Женя почти всё слышала.

Она ругала Марину Петровну за то, что та допустила всех желающих выпускников до экзамена по биологии. Даже тех, кто на пробниках набирает балл ниже среднего.

– Но как же я могу им запретить? – возражала Марина Петровна. – Они же готовятся, у них же планы...

– У них планы, а у нас показатели! – настаивала завуч. – Низкие, ниже, чем в области! Готовятся, говорите? Разве так надо готовиться? Да что это за врачи будущие, с такими баллами!

– Они же не только в мед собираются. На психологов... – И психологи такие же! – отрезала завуч. – В общем, Марина Петровна, делайте что хотите, убеждайте, запугивайте, гипнотизируйте, но чтобы в списке на экзамен я этих неудачников не видела!

Женя изо всех сил делала вид, что ничего не слышит.

А Марина Петровна отошла к окну и украдкой смахивала слёзы.

Ничего она никому запрещать не будет, это ясно. И одиннадцатый класс отстоит, даже с их низкими показателями. И ничего она не слабая. Просто вот... теряется перед грубостью.

Женя её понимает.

Это шутка какая-то. Такого не бывает. Они же не в книге и не в кино!

Жене холодно, она тянет на себя покрывало, набрасывает на плечи как придётся.

В центральной больнице какой-то сумасшедший в ярости ударил по аварийному щиту с электропроводкой и обесточил часть больницы. Электричество быстро восстановили, психа обезвредили, но что-то там произошло с системой. В результате вся медицинская техника сбоила, в том числе жизненно важные сейчас аппараты ИВЛ. А ещё оказались заблокированными двери герметичных боксов. И коридора тоже.

Четвёртый этаж. Мамина пультмонология.

Женя столько раз бывала у мамы на работе! Но теперь больница кажется ей каким-то страшным местом, эпицентром техноапокалипсиса. Женя отгоняет фантастические видения, старается мыслить по-взрослому. И ей представляется, как люди, запертые в коробке, страдают от нехватки воздуха, от жажды и тесноты, криками сводят друг друга с ума. А вдруг там не только двери заклинило, а ещё и приборы под напряжением, и кто-то неосторожно касается, скажем, дверной ручки...

Нет, так ещё страшнее!

И вдруг её словно молотом бьёт.

Сообщение!

Она представляет, как мама берёт телефон, отходит в сторону, чтобы прослушать голосовое без помех, подносит телефон к уху...

Нет, то, что она услышит, ну никак не годится в качестве

слов поддержки!

Женя лихорадочно листает ленту... Не прочитано ещё!

На секунду она замирает. С горечью думает о том, что красиво и решительно повернуться спиной к судьбе не получилось. Судьба придавила её лапой и выпустила когти, демонстрируя, что Женя – пленница, заложница. Таким, как она, нельзя бунтовать. Мир держится на таких, как она.

Несправедливый, прямо скажем, мир.

Женя, по обыкновению, закусывает большой палец – и бьёт пальцами по экрану.

Вы хотите удалить данное сообщение?

Ок.

Ок второй раз.

Женя успевает заметить: что-то не так. Но пальцы оказываются быстрее, и, только когда злосчастное голосовое уничтожено, до неё доходит, что именно.

Удалить для всех?

Проклятая привычка чистить чат! У неё на автомате стоит команда просто «*Удалить*».

Женя скулит и сползает по стенке.

Она не боялась ночевать одна во время маминых дежурств. Зато не могла заставить себя в одиночку прийти в школьный буфет и купить какой-нибудь пирожок или бутылку воды.

Однажды она почти час простояла в холле маминой больницы, подглядывая за теми, кто подходил к кофемашине, потому что очень хотела купить себе кофе, но не знала, как работает аппарат.

Потом наконец решилась, подошла. И у неё, может быть, всё бы получилось. Но прямо за её плечом пристроился какой-то парень, который тоже, видимо, соскучился по кофе.

Парень был смешной, кудрявый и ушастенький, одет в белый халат с криво висящим бейджиком. Интерн, кажется. Он непрерывно зевал. Поймал Женин взгляд, улыбнулся. Так хорошо, приветливо, без всякой насмешки.

А Женя занервничала, отвернулась, потянула из стопки стаканчик, вытянула сразу три.

– Помочь? – спросил парень.

Женя затрясла головой, устроила стаканчик в нужное место, ткнула в какую-то кнопку, забыла закинуть монетку, закинула монетку...

Дальше она помнила плохо. Кажется, все три стаканчика покатались по полу, дымящаяся карамельная струя полилась мимо, а Женя рухнула на пол прямо возле ненавистного аппарата.

Смешной интерн перепугался. Он больше не улыбался и не зевал. Опустился на колени рядом и что-то кричал, и ещё подбегали люди и тоже что-то кричали, Женя не разбирала.

А потом она сидела рядом с мамой, и мама обнимала её за плечи и укачивала как маленькую. Пахло ванилью и ле-

карством. Ванилью – от стаканчика с горячим шоколадом, мама держала его в руках и время от времени давала Жене отхлебнуть.

– Ты просто устала. Бывает, – повторяла она.

Шоколад остыл и был невкусным, но кофе вреден девочке Жениного возраста, да ещё такой легковозбудимой.

– Что делать, бельчонок, привыкай. Всё достаётся тяжким трудом. Только так. Ты ведь не хочешь стать такой, как наша Мила?

Женя глотала отвратно-тёплый шоколад. У неё не было сил сказать, что она, может быть, как раз этого и хочет.

Быть как Мила.

Мила – Женина тётка, младшая мамина сестра.

Когда-то она тоже поступила в медицинский институт. И даже проучилась там полтора года. А потом заскучала, заявила: «Это не моё!» – и забрала документы накануне сессии.

Фразочка Милы. Она повторяла её в решающие моменты своей бурной и непутёвой жизни.

– Это не моё! – произнесла она, покидая тёплое кресло референта одной солидной фирмы, куда её устроила подруга.

– Это не моё! – сказала как отрезала, уходя от мужа с чемоданом в одной руке и хнычущим свёртком – в другой. – Он зануда, – объяснила она, сидя на кухне у сестры.

Она ела абрикосовое варенье столовой ложкой, кормила

грудью пятимесячную дочь Елизавету и абсолютно не чувствовала себя виноватой.

– Тебе ребёнка растить! Одной! – выговаривала Женина мама.

– Ты же растишь, – Мила облизала ложку и улыбнулась. – Тоже без мужа. И ничего.

– Это другое! – возразила мама. – Я не смогла жить рядом с ленивым и безвольным человеком. А ты?

Мила осторожно переложила засопевшую дочку на другой локоть. Застегнула блузку.

– По сравнению с тобой все ленивые и безвольные, – заметила она.

С тех пор её дочь Лизка выросла. Мила зарабатывала изготовлением тортов на заказ. Получалось здорово, но не то чтобы очень доходно.

Мама вроде бы махнула рукой на убогую сестру – пусть живёт как хочет! Но время от времени принималась её ругать. Или приводила Женю как дурной пример.

Но Женя не проникалась. Втайне она завидовала всему, что мама считала непростительно легкомысленным. Тому, что Мила способна, например, предложить Лизке прогулять школу – потому что «погода хорошая» и «пятый класс – не выпускной». Тому, что она может уволиться из своей кондитерской и мотануть на всё лето в какой-нибудь Кисловодск. Что в любой момент способна сказать «Это не моё» и решительно повернуть свою жизнь в другую сторону.

Наплакавшись, Женя подходит к окну.

Снаружи темнеет. Она провожает взглядом тонкие облачка, тающие над крышами многоэтажек. Звонит Миле (с тем же успехом), думает, что надо бы извиниться перед Брониславой, решает, что пока обойдётся, и отправляется к последним новостям.

Теперь все говорят – крайним. Женю это раздражает. «Крайний герой». «Крайний из могокан», ага! Но сейчас она и сама боится слова «последний». Даже когда оно звучит только в голове.

Сердце стучит так, что хочется достать его, сжать руками и утихомирить.

Человека, раскурочившего проводку, отпустили на поруки родственников. Он оказался не таким уж психом. Просто неделю провёл в больничных коридорах, почти не спал, ждал, когда жену переведут из реанимации в общую палату.

И не дождался. Вирус косит не только пожилых.

Вообще-то псих, конечно. При чём здесь остальные? Ни врачи, ни другие больные не виноваты. Каждый день кто-то умирает, кто-то выздоравливает.

Но Женя почему-то не осуждает этого человека. Злится на него, но не осуждает, нет.

В комнате уже совсем темно. Только экран ноутбука светится. Как портал.

Стук в дверь отзывается грохотом лавины. Женя вскаки-

вает с места и мчится в коридор, но перед самой дверью замирает.

Стук повторяется снова, на этот раз из-за двери подаёт голос:

– Открывай, чудище!

Женя бросается навстречу Миле так стремительно, что не даёт войти, и обе стоят на пороге: Мила – растопырив руки и придерживая дверь, Женя – уткнувшись ей в плечо.

– Ну хватит уже. Чего ты! – Мила отрывает Женю от себя, и они наконец ступают из тёмного подъезда в квартиру.

– Ты почему не перезвонила? – набрасывается на тётку Женя.

– Телефон сдох, – отзывается Мила уже из кухни, где гремит кастрюлями и что-то роняет на пол. – Есть что-нибудь глотнуть? В горле пересохло. И засвети уже фонарик какой-нибудь, сколько можно в темноте.

Женя щёлкает выключателем. Кухню заливают светом.

– Опа! – Мила зажмуривается. – А я думала, здесь тоже электричество отключили.

– Здесь не отключили, – произносит Женя.

Они смотрят друг на друга и думают об одном и том же.

Мила не выдерживает.

– Идём! – командует она.

– Куда?

– В больницу, конечно!

– Что мы там будем делать?

– Не знаю. Что-нибудь. Двигаться легче, чем ждать. Женя всхлипывает.

– Это из-за меня...

И вываливает на Милу сразу всё: про банку кофе и орехи, про Брониславу, про Марину Петровну, про то, что не хочет поступать в медицинский, но чего именно хочет, сказать не может.

Про сообщение и неудачную попытку его удалить тоже рассказывает.

– Вот балда! – вздыхает Мила.

Она намешивает в кувшине воду с вареньем – ни сока, ни компота в доме нет, а чай греть долго и лень. Наливает себе в стакан, кивает Жене:

– Будешь?

Женя качает головой. Наблюдает, как в прозрачном кувшине мечутся по кругу ягоды смородины.

Потом они вместе шарят по новостям. Жертв пока нет. Профессионалы устраняют последствия. Вот список врачей, что оказались в блокаде. Мамы среди них нет.

– Уже хорошо, – говорит Мила.

Женя закусывает палец. Теперь, когда она перестала бояться за маму, её волнует другое. Мила легонько шлёпает её по руке – тут она солидарна с сестрой-медиком, которой тоже не нравится эта Женина привычка.

– То есть ты бы хотела, чтобы мать этого не слышала, так?

Мила не успокаивает, ничего. Просто уточняет.

Ну конечно, Женя хотела бы! Она бы с радостью вернула всё назад. Она бы даже перед Брониславой повинулась. И стала бы опять покорно ходить на занятия.

Мила отрывисто кивает. И не смотрит на Женю. Она, кажется, чем-то недовольна.

– Идём, – повторяет Мила. – Матери всё равно сейчас не до звонков. Заберём её аппарат и сотрём лишнее. Если ты уверена, что оно лишнее, конечно.

Последние слова она произносит вполголоса.

Женя вытирает слёзы и кивает.

– Ты не врач, – однажды сказала Мила. – Ты слишком близко к сердцу принимаешь мировую боль. Она не врач, – сообщила тётя и вошедшей маме, указывая пальцем на Женю.

Ну какая мировая боль? Они смотрели «Эру Альтрона», и Женя расплакалась, когда убили Пьетро.

– Это пройдёт, – сухо сказала мама. – Ко всему привыкают.

– Нет, ты не врач, – повторила Мила.

Это было уже позднее, во время пандемии.

Мама пришла с работы усталая. Повесила пальто на вешалку. Пальто упало, а у мамы не хватило сил даже на то, чтобы его поднять. Она велела Жене это сделать. Женя рванулась было...

Пальто лежало на полу такое... Как будто живое. Как буд-

то тоже обессиленное. И перчатки валялись тут же – две усталые бабочки.

Женя сфотографировала всё это, а потом прибралась, конечно.

#КонецРабочегоДня
#КогдаМамаВрач.

#будни_врача

Потом фотка обросла другими тегами. Её перепостили много раз.

Женя этого не ожидала, она даже испугалась. Можно валять арты под чужими именами, но когда такой резонанс получает твой собственный пост! Она очень боялась, что мама узнает. А маме, к счастью, было не до того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.